

Русские фамилии

НАТАЛИЯ АНДРЕЕВНА НАРЫШКИНА (ПРОКУДИНА-ГОРСКАЯ)

писатель, доктор искусствоведения,
академик Академии гуманитарных наук
и Академии истории культуры, профессор кафедры лингвистики,
литературы и культуры Института международных
образовательных программ

ИЗ КНИГИ «СЕМЕЙНАЯ САГА»

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, изобретатель цветной фотографии, которого называли «Цвет России», был старшим братом моего деда Владимира Михайловича. Родился он в 1863 г.

Всю жизнь, стремясь найти хоть какие-нибудь следы Прокудиных-Горских, я каждое свое посещение Публичной библиотеки в Ленинграде ли, в Москве ли начинала (еще со студенческих лет) с каталогов: «Прокудины-Горские, Прокудины-Горские...» — и ничего.

Лишь совсем недавно, уже привычно ничего не ожидая от ящиков с карточками, но все-таки по-прежнему надеясь найти хоть какие-нибудь следы старинного рода, которым так гордился мой дед, я обратилась к библиографу.

Стеснялась даже сформулировать вопрос: «Как мне найти что-нибудь о Прокудиных-Горских?» Библиограф молодой, не поймет — боялась я. Но он быстро и даже как-то радостно прореагировал: «Прокудин-Горский? „Цвет России“? Изобретатель цветной фотографии? Как же, как же, у нас есть материалы».

Сергей Михайлович Прокудин-Горский сделал в свое время более 2000 цветных снимков, создав таким образом величественную видовую панораму России от Волжских степей до Сибири.

Возил свою фотоколлекцию по городам и весям, как бы предлагая внимательнее «разглядеть» Россию. Показывал коллекцию и в Европе.

Цветные фотографии Сергея Прокудина-Горского являлись тогда для многих европейцев «первым путешествием по России». Такое фотопутешествие, да еще «в цвете» вызывало зрительский восторг. Сергею Михайловичу сопутствовал успех. Полный успех.

Еще до «Русских сезонов» Сергея Дягилева Сергей Прокудин-Горский познакомил Европу с Россией.

Фотографу удалось сделать открытие в области светописы, которым заинтересовался Дмитрий Менделеев, организовавший у себя в университетской квартире кружок, а затем и фотографическое общество.

При знакомстве с фотонаследием Прокудина-Горского не перестаешь удивляться тематическому многообразию его «картин». Не только «экзотика» русской крестьянской жизни: юные красавицы в нарядных сарафанах и кокошниках, щедро угощающие лесными ягодами; деревенские избы; заснеженные равнины, — но по-новому увидена жизнь малых народов России: красочно и многообразно.

Взгляд гуманиста сознательно отбирал сюжеты для «увечковечивания»: ручной труд на горных производствах, где женщины и подростки лопатами одолевают железную породу — «Работа на бакальном руднике»; особенности художественного производства — «Формовка художественного литья. Касли»; новизна транспортных средств — «Паровоз перед депо» и многие, многие другие, как будто остановившие давно ушедшее время.

Промышленность, рудники, транспорт...

Но в душе фотографа всегда жил поэт.

Особое место в его фототворчестве занимал портретный жанр. Одной из лучших работ С. М. Прокудина-Горского принято считать портрет Льва Николаевича Толстого. При первом же взгляде на него понимаешь, что он рожден настоящим художником.

Портрет графа Л. Н. Толстого, исполненный в мае 1908 г., являлся единственным портретом, сфотографированным «в красках непосредственно с натуры».

«Несмотря на некоторые неблагоприятные условия фотографирования, — вспоминал Сергей Михайлович, — вследствие проходившего в мае месяце циклона... я, тем не менее, мог ограничиться экспозицией всего в шесть секунд, включая сюда и время, потребное для передвижения очень большой кассеты.

...Кассета была доставлена мною на руках в Москву, где только было возможно вынуть из нее пластины для упаковки их.

Проявление пластины произведено в Петербурге».

Странно и любопытно читать о таких, почти непреодолимых тогда, сложностях фотографии. Сейчас они нам и в голову не придут — нажал на кнопку, и снимок готов! А тогда «проходивший в мае месяце циклон», который мешал созданию фотопортрета Толстого, да еще и кассета, которая «была доставлена на руках в Москву».

Век минул с тех пор, как написал это письмо Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Интересно, что же через столетие покажется в нашем компьютеризированном 2007 г. таким же наивным и архаичным? Представить трудно...

Что останется, или точнее, что донесем мы до века грядущего? Какие следы оставим в мировой цивилизации? Какой вклад внесем в культуру нашу духовную, изобретения научные, отношения человеческие высокие?

Поговорим по сотовым телефонам «со всеми обо всем» с дешевыми «входящими и исходящими» и исчезнем в небытие... Нечем нас будет вспоминать... Не хочется так думать, да и несправедливо.

Найдут все же потомки наши, за что гордиться и нашим временем.

Но вернемся к фотопортрету Льва Николаевича.

Сергей Михайлович рассказывал о некоторых деталях: «Фотографирование произведено в пять с половиною часов вечера, тотчас после верховой прогулки Льва Николаевича... В печати портрет воспроизведен без всяких поправок и прикрас, чтобы сохранить всю ценность подлинности воспроизведения».

К этому времени уже были созданы живописные портреты Толстого работы таких талантливых художников, как Иван Крамской (1873 г.), Николай Ге (1884 г.), Илья Репин (1887 г.).

Уже существовала фотогалерея, выполненная супругой Льва Николаевича Софьей Андреевной Толстой, а также фотографами Чертковым и Буллой.

Каждый из этих портретов драгоценен. Но трудно было остановить мгновение напряженной духовной жизни Толстого, отразившееся на его лице, более достоверно, чем это сделал Прокудин-Горский. Передана строгость мудрости и красота бесстрашия мысли писателя.

Запечатлено лицо великого писателя, всем своим творчеством защищавшего жизнь от насилия и фальши, от попраiania внутренних, духовных прав человека.

В 1906 г. Русское фотографическое общество в Москве избрало Сергея Михайловича своим почетным членом, а фотографический отдел Императорского российского технического общества (ИРТО) — своим председателем.

Сергей Михайлович выступил там с научным докладом о состоянии литейного дела в России. Он был опытным практиком, всю жизнь проработавшим на Гатчинских колокольных медеплавильных и сталелитейных заводах.

Возглавлял эти заводы на директорском посту известный металлург, один из основателей отечественного сталепушечного производства генерал-майор Александр Степанович Лавров, отец жены Сергея Михайловича — Анны Александровны Лавровой.

Сохранилась фотография Анны Александровны, которая женственностью облика и одновременно твердостью духа напоминала Софью Ковалевскую — первую в мире женщину-профессора, члена-корреспондента Петербургской академии наук. Мало кто знает, что она, знаменитый ученый, получила известность еще и как писательница, написала талантливую книгу «Воспоминания детства», читала лекции в Швеции, дружила со шведским королем.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский был богато одаренным человеком: он не только изобретатель цветной фотографии, но еще музыкант и художник.

Он получил известность как талантливый скрипач. Выступал в любительских концертах.

Когда жил в Петербурге, то многие часы проводил в стенах Петербургской академии художеств, изучая искусство. Брал даже private уроки живописи.

На «Выставке фотографий» продемонстрировал снимки, сделанные с живописных полотен старых мастеров. Это очень тонкая работа, ибо на снимке нужно передать текстуру холста и способ наложения мазка, даже нажим кисти художника, донести до зрителя всю притягательность и обаяние живописного подлинника.

В начале 1900-х гг. в доме у Сергея Михайловича на Большой Подьяческой, 22 появилась собственная фотографическая мастерская и лаборатория. Это здание со старинными чугунными решетками, воротами и стеной без окон, увитой плющом, сохранилось до наших дней.

Почему бы в нем, поддержав культурную традицию Петербурга, не открыть пусть совсем небольшую музейную экспозицию?.. Она могла бы получиться интересной: вещи того времени, фотоприборы, фотографии, выполненные Сергеем Михайловичем Прокудиным-Горским, а также написанные им книги и письма.

Еще в 1887 г. вышла его книга «О фотографировании моментальными ручными камерами». В следующем году — «Указание для любителей» на тему «О печатании (копировании) с негативов». В 1903 г. — «Изохроматическая съемка моментальными ручными камерами. С указанием изготовления чувствительных к цветам изо-пластин».

Начал даже выходить пользовавшийся большим спросом журнал «Фотограф-любитель», редактором которого и автором публикуемых материалов был Сергей Михайлович Прокудин-Горский.

Здесь уместно заметить, что Сергей Михайлович, впрочем, как и все Прокудины-Горские, отличался щепетильной скромностью в вопросах личной славы. При экспонировании пластин на многочисленных выставках Сергей Михайлович обычно говорил «мы добились» или «нам удалось». На этикетках стояла скромная надпись: «Пластины очувствлены по способу автора»...

В Отрадном, где жили Прокудины-Горские, существовали свои легенды о Сергее, которые дошли до меня от моих бабушек.

На Орловщине он бывал не так уж часто, потому что много ездил и по долгу жил в Петербурге.

Сергей был старше на 15 лет самого младшего из братьев Прокудиных-Горских, Владимира (моего деда), и потому, видимо, считал своей обязанностью заменять ему отца.

Он задавал ему переводить с французского «Детскую книгу о жизни Наполеона» и повторял слова этого полководца: «В жизни можно всего добиться силой духа и ума». А на вопрос «И ты так считаешь?» отвечал: «Я бы спорить с Наполеоном не стал, но считаю, добиться можно всего трудом. Однако уметь думать обязательно».

Сергей учил играть в шахматы, считая, что это развивает «мыслительные способности». Но если кто-нибудь из братьев делал неудачный ход, он торопливо говорил: «Ну, это не считается, это не считается. Подумай хорошенько и ходи снова».

Позже, когда Владимир женился на Марии Петровне, Сергей сделал фотографии Марии Петровны и Владимира Михайловича, продолжив традиции парных живописных портретов в дворянских особняках. Выгоревшие, в коричневатой дымке, эти фотопортреты висят у нас в гостиной и всегда смотрят на нас, серьезно и печально...

Сфотографировал Сергей Михайлович и свою маленькую племянницу Машеньку (мою маму). Он очень любил детей, относился к ним со всем уважением, как к самостоятельным личностям. Машенька платила ему обожанием и великой преданностью.

Как-то раз Владимир Михайлович разбудил ее ночью:

— Машенька, садись, дочка, на горшочек.

А та сонным голосом, но очень твердо ответила:

— Я не Машенька, я дядя Сележа.

— Хорошо, хорошо. Садитесь, пожалуйста, дядя Сележа, на горшочек.

Машенька всегда стремилась попасть в комнату Сергея Михайловича, но он не разрешал входить туда без него, и она никогда не нарушала запрета.

На стенах этой комнаты висели медальоны Федора Толстого и фотографии, исполненные Сергеем Михайловичем.

Особенно он радовался своему снимку «Вид монастыря в Ниловой пустыни на озере Селигер», сделанному в 1910 г. Монастырь получился на нем легкий, воздушный, словно купола и колокольни плывут вместе с облаками. Такую красоту в множественности оттенков голубого, такое богатство и насыщенность светотени мог увидеть в природе и запечатлеть на пластине только истинный художник!

Еще одно фотографическое изображение, полученное Сергеем Михайловичем и названное «Урожай», мы увидели только через 100 лет после его создания. Его прислал нам из Парижа внук Сергея Михайловича — Иван Свечин.

Эта композиция, рассказывавшая о жизни крестьян, построена как живописное произведение. На память приходят «Рожь» Шишкина или «Косари» Мясоедова. Глядя на фотокартину Прокудина-Горского, погружаешься в красоту золотого поля созревших колосьев, уходящего до самого горизонта.

Хотя первоначально Сергей Михайлович отводил фотографии лишь «протокольное» назначение, многие его работы свидетельствуют о том,

что со временем мастер стал видеть в фотографии возможности подлинного искусства.

Он отважился на свой собственный проект фотофиксации городов и народов России. Но большая часть провинций и областей оставалась тогда недоступной для обозрения, кое-где съемки были вообще запрещены...

Тогда председатель Петербургского фотографического общества великий князь Михаил Александрович посоветовал Сергею Михайловичу показать свои снимки Императору...

Николай II был восхищен «Образом России», представшим перед ним в фотоколлекции, и через некоторое время Прокудину-Горскому выдали документы. «Его императорское Величество высочайше дозволяет пребывать в любых местах, независимо от секретности», — говорилось в них. И объявлялось, что Император считает миссию, возложенную на Прокудина-Горского, столь важной, что все официальные лица должны ему содействовать «в любом месте и в любое время».

Пульмановский вагон, в котором отныне стал путешествовать фотограф, был оснащен всем необходимым для работы, а также горячей и холодной водой. В этом вагоне размещался он сам и его ассистенты, среди которых был его 22-летний сын Дмитрий.

Но вскоре началась Первая мировая война...

Прокудин-Горский отдал свой вагон для нужд Российской армии...

Сам же он стал работать экспертом в комитете, контролирувавшем поступление фото- и киноматериалов из-за рубежа. В обязанности С. М. Прокудина-Горского входило просматривать все поступавшие кинофильмы. Кроме того, он снимал тренировки летчиков, снимал военные действия, первые победы России на Восточном фронте и первые поражения.

Выполнял многие задания Министерства, в том числе запечатлел строительство Мурманской железной дороги, которая должна была обеспечивать линию поставок между Россией и ее французскими и британскими союзниками.

Принято считать, что в России того времени было два выдающихся фотографа: Карл Карлович Булла и Сергей Михайлович Прокудин-Горский. Но если первый был более фотограф петербургский, снимавший быт и жизнь столицы, то в поле зрения второго попадала вся Россия.

Прокудин-Горский стремился отразить все разнообразие жизни России: ее будни, ее труд, природу, а также жизнь и быт малых народов.

Однако он не был единственным в этом направлении. В конце XIX века в России работали такие первоклассные фотографы, как В. Высоцкий, С. Левицкий, В. Каррик, П. Павлов, М. Дмитриев и другие, создавшие фотосерии с ландшафтами, портретами и бытовыми сценками.

Сергей Михайлович Прокудин-Горский, конечно, был знаком с их работами и, вероятно, в чем-то сотрудничал с ними. Возможно, кому-то из них он и адресовал фотографию со своей благодарностью, хранящуюся теперь в семейном архиве московских Прокудиных-Горских (Земляковых).

После 1917 г. Сергей Михайлович был, как удалось выяснить его первому «историографу» С. П. Гараниной, назначен по указанию наркома про-

свещения А. В. Луначарского профессором Фотокиноинститута, открытого в Петрограде.

Свои снимки достопримечательностей России Прокудин-Горский дважды демонстрировал в марте 1918 г. в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах «Чудеса фотографии». Вечера были организованы Народным комиссариатом Просвещения. В зале собиралось около 2000 солдат и матросов... Это были последние публичные выступления Сергея Михайловича Прокудина-Горского на родине.

Шел последний год его жизни в России...

«Беженец без средств, без дома, без имени, прошедший Норвегию, Англию, Францию с чемоданом фотопластинок, художник-историк, увезший с собой то, что уже никогда не вернется: цветные картины погибшего мира», — писала Надя Денис в своей книге «Цвета ушедшего мира».

Он умер в 1944 г. в Париже, в «Русском доме» — приюте для русских эмигрантов при православной церкви на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Умирал в приюте, глядя из окон на кладбище, которое его ожидало.

Финал этой человеческой судьбы близок по общей шемящей тональности к творчеству и судьбе Ивана Бунина, еще одного знаменитого русского эмигранта, похороненного там же, 9 лет спустя, в ноябре 1953 г.

Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа (Sainte Genevieve des Bois) под Парижем основано в 1927 г. по инициативе княгини Веры Мещерской. На нем погребено около 10 000 русских, среди которых известные всему миру имена Сергея Лифаря, Зинаиды Серебряковой, Петра Струве, Феликса Юсупова и др.

Богатейшую фотографическую коллекцию Прокудина-Горского его семья, живя в Париже, продала Конгрессу США.

Женат был Сергей Михайлович Прокудин-Горский дважды: на Анне Александровне Лавровой (1871–1937) и во втором браке на Марии Федоровне Щедриной (1883–1965).

В архиве Федеральной службы безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области хранятся материалы, из которых следует, что в 1920 г., когда Сергей Михайлович уже покинул Россию, дважды арестовывали его сына Михаила, оставшегося в Петрограде.

Первый раз 2 сентября 1920 г.:

«Привлекался за принадлежность к партии эсеров. На допросах отрицал всякую возможность принадлежности к любой партии — „Ни в каких политических партиях не состою“.

Михаил Сергеевич Прокудин-Горский

дата рождения: 26 июня 1895 г.

Семейное положение: живу с матерью Анной Александровной Прокудиной-Горской (49 лет)

адрес: ул. Верейского, д. 40, кв. 1

студент Технологического института

происхожу: из дворян Владимирской губернии

место трудовой деятельности: электротехническая артель „ПРЭН“, электромеханик

Освобожден 01.11.1920 г. за недоказанность обвинений».

Второй раз проходил по делу о забастовке на заводе.

После этого первая жена Сергея Михайловича Анна Александровна Лаврова была вынуждена покинуть Петроград и эмигрировать в Париж со своими детьми: дочерью Екатериной и двумя сыновьями Дмитрием и Мишаилом.

* * *

Сейчас в Париже живут внуки и правнуки Сергея Михайловича. От первого брака внуки Иван и Дмитрий Свечины, от второго — Мишель Су-салин.

Мишель — известный французский врач, хирург, очень дорожит памятью своего деда. «У нас хранится, — рассказывает он, — много семейных реликвий, доставшихся от деда. Это тетрадки, где он записывал все процессы, фотографии и книги. Я тоже люблю фотографировать, хотя до моего деда мне очень далеко!

Чаще мне приходится использовать цифровую камеру для работы — я врач, занимаюсь пластической хирургией».

Совсем недавно я получила из Парижа статью, написанную Дмитрием Свечиным о своем деде и предназначенную для парижского журнала «Костер». Дмитрий — журналист, работал с камерой в руках, был в Алжире, Марокко, делал международные репортажи.

Привожу дословно его статью о Сергее Михайловиче (судя по тексту, написанную перед 300-летием Санкт-Петербурга).

Цветные фотографии дореволюционной России

Около 100 лет тому назад, в самом начале XX века, в России жил известный ученый фотохимик профессор Сергей Михайлович Прокудин-Горский (1863–1944).

Он был одним из пионеров в мире по цветной фотографии. В 1910 г. он получил заказ, по приказу Государя Императора Николая Второго, запечатлеть в натуральных цветах достопримечательности обширной Российской Империи.

По Высочайшему повелению ему были предоставлены все нужные средства: специальный поезд с вагоном, оборудованным на лабораторию и на квартиру, пароход, способный идти по мелководью, баржа, автомобиль и т. д., и все разрешения доступа во все места Российской Империи.

В течение пяти лет профессор С. М. Прокудин-Горский извездил много частей Империи, был на севере, Урале, востоке, Сибири, Туркестане, Кавказе, Волге и т. д., набрав несколько тысяч фотографий: пейзажи, здания, церкви, монастыри, костюмы, типы жителей и жительство и т. д. Из этого теперь очень многое исчезло!

Система профессора была следующая.

На одном продолговатом стеклянном черно-белом негативе, панкروحувствительном (то есть чувствительным на все цвета спектра), по его патенту и изготовлению, он своей камерой делал тройной снимок, каждый через один из трех дополнительных светофильтров (синий, красный и желтый).

С этих негативов он делал стеклянные черно-белые диапозитивы, которые он проектировал на экран, также через дополнительные основные светофильтры. Прибор его изобретения проектировал синие, красные и желтые изображения в совершенном совмещении всех деталей.

Результат на экране был удивительного качества.

Те же оригинальные негативы употреблялись для печати, например в типографии.

После революции, покидая Россию, профессору удалось вывезти около двух тысяч негативов этих снимков и несколько альбомов с фотографиями и записками. Эта коллекция оказалась, наконец, в Париже, в семье, попавшей в эмиграцию во Францию.

В 20-х годах Профессор со своими сыновьями Димитрием, Михаилом и дочерью Екатериной (моей матерью) открыл фотолабораторию и студию в Париже. До начала войны 1939 г. они работали, продолжая разрабатывать технику. Выпускали уже цветные фотографии на бумаге, единственные в то время во Франции, для профессиональных клиентов.

После войны сыновья возобновили деятельность с моей мамой. Профессор умер, а его коллекция хранилась у семьи, как могла, но в эмигрантских условиях сохранность негативов была в опасности. В 1946 г. я тоже (мне было 26 лет) стал с ними работать в лаборатории и на съемках.

В 1947 г. мы решились эту коллекцию продать американцам, Рокфеллерскому Фонду, за 3500 \$. Всю коллекцию переслали в Вашингтон, в Библиотеку Конгресса США.

Американцы проявили большой интерес к профессорской коллекции. Классифицировали тщательно, в наилучших условиях сохранности, и со временем издали о ней несколько книг, устроили выставки и много о ней писали в ученых органах. В 2000 г. они оцифровали все негативы, обеспечивая, таким образом, их сохранность.

В июне 2001 г. в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне состоялась выставка более ста цветных первоклассных снимков из этой коллекции с объяснениями истории и значения каждого из них.

Выставка продолжалась по 11-е августа под названием «THE EMPIRE THAT WAS RUSSIA» (Империя, которой была Россия). В огромном здании Библиотеки им был посвящен целый отдел.

С братом моим Иваном мы побывали на этой выставке в начале июля 2001 г. Нас удивило знание персонала Библиотеки обо всей работе профессора и их интерес ко всему, что касалось этой эпохи в России.

Кроме выставленных первого качества цветных фотографий, сделанных по лучшей последней электронной технике, Библиотека Конгресса разместила в Интернете полностью всю коллекцию.

Фотографии выставки каждый, во всем мире, может видеть на сайте <http://www.loc.gov/exhibits/empire>; и негативы всей коллекции, так же как альбомы, на сайте <http://lcweb2.log.gov/pp/prokquery.html> Библиотеки Конгресса.

Добавим, что по случаю 300-летия Петербурга Библиотека Конгресса будет устраивать выставку работ Профессора в Петербурге, а затем в Москве.

Все это – хорошая иллюстрация дореволюционной русской науки и техники и замечательное картинное свидетельство тогдашней глубокой России.

Димитрий Свечин

Сегодня, посетив на сайте Библиотеки Конгресса виртуальную выставку фотографий Прокудина-Горского, можно ознакомиться и с отсканированными фотоизображениями, и со всеми цветными фотографиями, и с листами его 12 фотоальбомов: «Виды Оки и Суздаля», «Виды Урала и Западной Сибири», «Виды Мурманской железной дороги» и др.

Особое место занимают альбомы «Церковная утварь», «Этюды в России и за рубежом», а также «Виды памятных мест войны с Наполеоном».

«Цветные фотографии черно-белой эпохи» Сергея Михайловича Прокудина-Горского вызывают сейчас живейший интерес и множество практических вопросов о том, как самостоятельно получить цветные фотографии с черно-белых снимков, сделанных в начале прошлого века.

Изобретения его востребованы в наши дни и спустя почти столетие по-прежнему служат россиянам.

* * *

Отцом Сергея Михайловича, а также отцом моего деда Владимира Михайловича Прокудина-Горского был Михаил Николаевич Прокудин-Горский (1837 – около 1890). Он служил в гренадерском полку.

Добрейшей души человек, деликатнейший, около двух метров роста, легко гнул подковы. При этом страстью его души была литературная деятельность. Но в отличие от знаменитого своего предка, писателя Михаила Ивановича Прокудина-Горского, он писал не оды и комедии, а очерки-воспоминания о своей военной походной жизни. Читал их своим друзьям, и его любили слушать.

Из этого выросла еще одна страсть его жизни – описание ратных подвигов Прокудиных-Горских.

Михаил Николаевич родился в год смерти Пушкина, в 1837 г.

Пушкин оставался его любимым персонажем русской истории и культуры, а также примером для подражания. Пушкин изучал жизнь своих предков и с осуждением писал: «У нас некоторые гордятся больше звездой, чем славой своих предков».

Михаил Николаевич трепетно относился к высказываниям Пушкина на эту тему. Мог, наверное, подписаться под пушкинским: «Изучение истории дворянских родов России есть изучение истории российского народа».

Досконально зная многие страницы жизни своих предков, Михаил Николаевич взялся за составление летописи, саги о Прокудиных-Горских, начиная со времен Куликовской битвы...

Сага о храбрых воеводах, потомственных московских дворянах Прокудиных-Горских так и осталась незаконченной, хотя состояла из нескольких томов пожелтевших со временем листов, исписанных красивым старинным почерком...

Этим Михаил Николаевич увлек своего младшего сына Владимира. Снаряжал его в другие губернии к его дядьям, двоюродным, троюродным братьям, которые рассказывали или писали все, что знали о жизни, событиях и военных подвигах Прокудиных-Горских...

Главной, отличительной чертой отца моего деда была исключительная честность. Он как будто жил под знаком своего герба – весами Фемиды. Справедливость во всем – в крупном и в мелочах – служила потомственным символом рода.

В вопросах чести отец моего деда оставался крайне щепетилен. По его мнению, честь и бесстрашие – доблести настоящего воина, мужчины.

Человек храброго сердца, Михаил Николаевич любил повторять: «Нет страха – нет старости». Понятия чести – главное, что было положено в основу воспитания его сыновей.

О характере Михаила Николаевича и той атмосфере, в которой воспитывался мой дед, дает представление следующий эпизод.

Однажды сын друга-однополчанина Михаила Николаевича крупно проигрался в карты. Сумма большая, а взять ее неоткуда. Ему и всей его семье грозило не только разорение, но потеря дворянской чести.

Тогда Михаил Николаевич пошел к себе в кабинет, вынул из потайного ящичка секретера старинный перстень и отдал другу эту семейную драгоценность.

После этого изменилось материальное положение самого Михаила Николаевича. Изменились и отношения в семье. Его первая жена Мария Ивановна Бардакова, мать их общих троих детей, не могла простить ему подрыва семейного благосостояния. Острая психологическая коллизия привела к длительному, изматывавшему бракоразводному процессу.

Во втором браке Михаил Николаевич был женат на Евдокии Ивановне, которая всячески поддерживала мужа. Она помогала ему также в составлении летописи Прокудиных-Горских.

Михаил Николаевич многие годы избирался дворянским заседателем. Был губернским секретарем, «почетным блюстителем» Мытского училища Гороховецкого уезда, чиновником Совета Императорского человеколюбивого общества, где многого сумел добиться.

От первого брака у Михаила Николаевича Прокудина-Горского было трое детей: Сергей – будущий изобретатель цветной фотографии, Мария и Андрей.

Мария вышла по любви замуж за офицера, уехала с ним в Санкт-Петербург, имела двух детей, мальчика и девочку, которую также называли Марией.

Андрей гордился своей женой-красавицей. Она была одарена музыкально, прекрасно играла на арфе. В их доме устраивались музыкальные салоны.

От второго брака с Евдокией Ивановной Михаил Николаевич Прокудин-Горский имел двух детей: в 1878 г. родился сын, названный в честь деда Николаем; в 1879 г. — последний, самый младший, — Владимир. «Владимир Красное солнышко», — имя, которое обращало к древним временам и «ко городу Владимиру».

Николай в 17 лет вступил на военную службу. Защищая честь любимой женщины, дрался на дуэли. Делая это, он объяснился ей в любви.

И хотя после этого его отослали в Ташкент, а затем в Мукден, в Маньчжурскую армию, любящим сердцам удалось все-таки через несколько лет соединиться.

Они жили счастливо и имели нескольких детей.

Мгновения жизни в Отрадном этой большой, дружной и счастливой семьи столбовых дворян Прокудиных-Горских запечатлела старинная фотография. Скорее всего, ее сделал Сергей Михайлович.

Семья Ростовых из «Войны и мира» выглядела бы на фотографии, наверное, очень похоже. Сам дух творчества Толстого — «Бог есть любовь» — был внутренним, потомственным свойством семьи Прокудиных-Горских. Недаром фотография Льва Толстого, сделанная Сергеем Прокудиным-Горским, до сих пор считается одним из лучших фотопортретов писателя.

С сильно выгоревшей фотографии смотрят на нас господа офицеры, проступают черты этих людей — ярких, благородных, никогда мною не виденных, но таких близких и родных мне.

В верхнем ряду этого семейного портрета выделяется романтик Владимир (мой дед), единственный в этой молодой веселой компании сохраняющий сосредоточенность. Всадник, скачущий навстречу жизненным бурям ради спасения справедливости. Кавалерийский офицер. Домашнее прозвище — «Рыцарь».

Правее, в нижнем ряду, — Николенька, отчаянный весельчак и балагур. Имел множество наград за лучшие показания в офицерской стрельбе. Был настоящим снайпером. Дома его называли «Стрелок».

Кажется, именно об этой фотографии и об эпохе, которую она остановила на миг, Александр Блок писал:

Сила, юность, надежда...
В закатной дали
Были темные тучи
в крови...

Это последние мгновения «мира» в истории этой семьи, в истории XX столетия. Сцены «войны» остались за кадром.

Когда в 1920-е гг. дом в Отрадном оказался сожженным и разграбленным, Пелагея Петровна Нарышкина вместе с маленькой Машей Прокудиной-

Горской отправились на поиски Прокудиных-Горских к старой кузине Владимира Михайловича, которая жила в Нижнем Новгороде и у которой часто гостила молодая компания, запечатленная на фотографии.

Еще издали в доме с множеством балконов, верандочек и эркеров в раскрытом окне первого этажа они увидели Марию Дмитриевну. В проеме узорчатого окна на фоне освещенной солнцем комнаты она в своем белом одеянии казалась воздушной и призрачной, как отражение в старинном потемневшем зеркале.

А в глубине, за окном, была уже другая жизнь...

Весь свой дом она отдала. В нем теперь размещался дом отдыха; были раненые, которые лежали с высоко поднятыми «гипсовыми ногами».

Она ходила по своему-чужому дому, стараясь не шуметь, чтобы «не беспокоить больных и раненых». Во все двери, кроме единственной своей, стучалась и ждала разрешения войти.

Ее седые волосы, бледное породистое лицо с огромными темными глазами, белоснежный кружевной пеньюар делали ее в эти минуты похожей на привидение. Раненые называли ее «матушкой», а отдыхающие приносили ей из столовой тарелку супа.

О «своей молодежи» – о молодых Прокудиных-Горских, которые раньше часто гостили у нее со своими детьми, – она ничего не знала: «Вот уже несколько лет никто не навещал...»

Лишь Сергею Михайловичу, эмигрировавшему сразу же, в 1918 г., удалось сохранить жизнь своим потомкам и своим фотографиям, воспевавшим родную Россию.

Все же остальные многочисленные ветви этого древнерусского дворянского рода, оставшиеся в России, были под корень срезаны. Даже могил не осталось.

Только в 2005 г. на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве была обнаружена могила моего деда, Владимира Михайловича Прокудина-Горского.

Дед мой Владимир Михайлович Прокудин-Горский родился в 1879 г.

О нем много рассказывал его товарищ по юнкерскому Кавалерийскому училищу Дмитрий Несвицкий. Рассказывал, например, что, будучи прекрасным наездником, Владимир Прокудин-Горский держал первые места на конных скачках.

Во время одной из них, когда весь ипподром гудел от напряжения, а зрители повскакивали с мест, «болея» за него, Владимир дал возможность обойти себя, передав тем самым лавры победителя малознакомому публике юному всаднику.

На возмущения, что он, «сильнейший», уступил первенство, спокойно ответил: «Сила без благородства – варварство. Среди офицеров должны быть первые, но не должно быть последних»...

Публикуемые фотографии С. М. Прокудина-Горского находятся в собрании Библиотеки Конгресса США.